

Проблемы преподавания и изучения русского языка в школе и вузе на современном этапе. - Нежин, 2001.-С. 131-134.

4. Кохтев Н.Н. Реклама и речевая норма // Русская речь. - 1991. - №2. - С. 61-65.

5. Пирогова Ю.К. Рекламный текст: семиотика и лингвистика. - М: АСТ, 2000. - 404 с.

6. Фильчикова И.Б. Реклама в прессе. - М: АСТ, 1998. - 116 с.

7. Ширяев Е.Н. Культура речи // Русский язык: Энциклопедия. - 2-е изд. - М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1998. - С. 204-206.

Summary

The article deals with the lingual anomalies in modern Russian and Ukrainian advertisement texts. The wais of their following research is programmed.

Т.А.Ильина

канд. педагог, наук, доцент

К ПРОБЛЕМЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

Стаття присвячена актуальному питанню інтертекстуальності художнього тексту, зроблено короткий екскурс у розвиток теорії інтертекстуальності, розглянуті найбільш впливові думки на проблему та типи інтертекстуальних відношень у сучасному літературознавстві.

Интертекстуальность - одна из глобальных категорий, которая характеризует самосознание культуры второй половины XX века. На сегодняшний день существует множество определений этого понятия. Проблема интертекстуальности на протяжении последних десятилетий не однажды затрагивалась критиками и литературоведами.

Корни понятия „интертекстуальность” восходят к идее диалогизма („диалогические отношения”) М.М.Бахтина. В свою очередь, идею диалога подхватила теоретик постструктурализма Юлия Кристева, которая восприняла ее чисто формалистически, ограничив исключительно сферой литературы и сведя до диалога между текстами, т. е. до интертекстуальности [5].

В научный оборот сам термин „интертекстуальность” был введен Ю.Кристевой в 1967 г. на основе анализа концепции “полифонического романа” М.М.Бахтина для обозначения общего свойства текстов, выражающегося в наличии между ними связей, благодаря которым тексты могут разнообразными способами явно или скрыто взаимодействовать между собой, ссылаясь друг на друга. Этот термин стал затем одним из основных принципов постмодернистской критики.

Французская исследовательница Юлия Кристева сформулировала свою

концепцию интертекстуальности на основе переосмысления уже существующей работы М.М.Бахтина „Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве”, написанной им еще в далеком 1924 году.

В этой работе М.М.Бахтин, описывая диалектику бытия литературы, отметил, что помимо данной художнику слова действительности, он имеет дело также практически со всей предшествующей и современной ему литературой, с которой он находится в постоянном диалоге, понимаемом как борьба писателя с существующими литературными формами. „Внутренней территории у культурной области нет, она вся расположена на границах, границы проходят повсюду” [3].

Сегодня анализируемый термин употребляется не только как некая литературоведческая категория, но и как понятие, определяющее то миро- и самоощущение современного человека, которое получило название „постмодернистской чувствительности”.

В современных словарях литературоведческих терминов появились в основном схожие определения этого термина, которые с течением времени стали несколько отличаться от первоначальных, поскольку все более и более расширялась содержательная наполненность понятий, изначально заложенных в нем.

Таким образом, интертекстуальность - это межтекстовые взаимоотношения литературных произведений. Она заключается в отображении в литературном произведении конкретных литературных явлений других произведений, более ранних, посредством эпиграфов, цитирования, аллюзий, реминисценций, пародирования.

Интертекстуальность проявляется в конкретном следовании чужим стилевым особенностям, свойствам и нормам, причем, как отдельных поэтов и писателей разных эпох, так и целых литературных школ и даже литературных направлений.

Понятие интертекстуальности имеет целый ряд значений. В узком смысле, интертекстуальность означает включение одного текста в другой, но в литературной практике постмодернизма этот термин получил гораздо более пространное толкование.

Интертекстуальность, понимаемая в широком смысле, означает размывание границ текста, в результате которого он лишается законченности и закрытости, становится внутренне неоднородным и множественным.

В еще более широком понимании интертекстуальность охватывает не только художественные произведения, но и литературно-критические тексты, различные театральные постановки, разнообразные музыкальные произведения, произведения изобразительного и киноискусства.

Современное литературоведение различает следующие виды интертекстуальности:

- генетическая, которая выделяет только те прототексты и архитектксты, которые непосредственно принимали участие в процессе возникновения конкретного литературного произведения;

- имманентная, которая определена или навязана самим литературным произведением;
- интенциональная - заранее спланированная автором и сознательно введенная в ткань произведения;
- рецепциональная - та, которая может быть выявлена эмпирически разными реципиентами.

Примечательно, что нигде данный феномен не находит столь исчерпывающего воплощения, как в гипертекстах Интернета, который с полным правом можно назвать интертекстом нашей эпохи. Какие бы не были взяты признаки интертекстуальности: цитатность, безграничность, децентрированность, деперсонализация автора - все они так или иначе являются практически неотъемлемыми характеристиками текстов Сети.

Очевидно, что цитатный подход заложен в саму основу языка html - ссылки есть не что иное, как указатели на смежные тексты, высказывания, источники и т.п., одним словом - цитаты в той или иной своей ипостаси. Что касается безграничности гипертекста, то масштабы виртуального пространства глобальной сети говорят сами за себя - электронный космос практически не знает никаких границ и барьеров.

Специфическим образом в гипертекстовом пространстве выявляется и такая характеристика интертекстуальности, как деперсонализация автора. В самом общем плане растворение автора в Интернете, так же как и в любом другом тексте, осуществляется в соответствии со схемой, предложенной французским культурологом-структуралистом Роланом Бартом в его ставшем знаменитом эссе „Смерть автора”.

Как утверждает Р.Барт, „каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собою новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки старых культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. - все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык” [2].

Концепция интертекстуальности тесно связана с проблемой теоретической „смерти субъекта”, которую провозгласил еще Мишель Фуко, а Ролан Барт переосмыслил как „смерть автора” (т. е. писателя), и „смертью” индивидуального текста, растворенного в явных или неявных цитатах, а, в конечном счете, и „смертью” читателя, неизбежно цитатное сознание которого столь же нестабильно и неопределенно, как безнадежны поиски источников цитат, составляющих его сознание.

Отчетливее всего эту проблему сформулировала Лю Перрон Муазес, заявившая, что в процессе чтения все трое - автор, текст и читатель - превращаются в единое „бесконечное поле для игры письма” [4].

Каноническую формулировку понятий „интертекстуальность” и „интертекст”, по мнению большинства западных теоретиков, дал Р. Барт: „Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты 102

предшествующей культуры и тексты окружающей культуры.

Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. - все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык.

Как необходимое предварительное условие для любого текста, интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитаций, даваемых без кавычек” [2].

Таким образом, пропущенный через призму интертекстуальности, мир предстает как огромный текст, в котором все когда-то уже было сказано, а новое возможно только по принципу калейдоскопа: смешение различных элементов дает все новые комбинации.

С точки зрения М.Грессе, интертекстуальность является составной частью культуры вообще и неотъемлемым признаком литературной деятельности, в частности. Любая цитация, какой бы характер она ни носила, а цитирование всегда неизбежно, вне зависимости от воли и желания писателя, обязательно вводит его в сферу того культурного контекста, опутывает его той „сетью культуры”, ускользнуть от которых не властен никто [4].

Эдна Эндриус, излагая теоретические основы интертекстуального анализа, пишет: „В первую очередь надо поставить вопрос о границах художественного текста или об их отсутствии” [9, 80]. Тем самым она утверждает мысль, что художественный текст открыт и беспределен.

„Текст - относительно автономная динамическая подсистема, у которой возможность деления на множество функций может проявиться только во взаимодействии - автора, читателя, социального и исторического пространства, т. е. во взаимодействии всех частей контекста произведения” [9, 81].

Однако далеко не все литературоведы, прибегающие в своих работах к понятию интертекстуальности, восприняли столь расширительное ее толкование.

Слишком буквальное следование принципу интертекстуальности в ее философском измерении делает бессмысленной вообще всякую коммуникацию, поэтому многие трактуют ее более сужено и конкретно, их интересует та же проблема, что и М.М.Бахтина, - взаимодействие „своего” и „чужого” слова.

Французский литературовед Жерар Женетт в своей книге „Палимпсесты: литература во второй степени”, написанной в 1982 г., предложил наиболее общую пятичленную классификацию разных типов межтекстовых взаимодействий:

1) интертекстуальность как соприсутствие в одном тексте двух и более текстов (цитаты, аллюзии, плагиат, самоцитаты, т.е. интратекстуальность);

2) паратекстуальность как отношения между текстом и его паратекстом, т. е. тем, что его окружает: к своему заглавию, вступлению, заключению, посвящению, выражению признательности, сноскам, иллюстрациям, послесловию, эпиграфу, суперобложке ит. д.;

3) метатекстуальность как комментирующая и часто критическая ссылка на свой предтекст;

4) гипотекстуальность как осмеяние и пародирование одним текстом другого; отношение текста к более раннему гипотексту или жанру, на основе которого данный текст создан, но трансформированному или переработанному в виде пародии или продолжения;

5) архитектстуальность, понимаемая как соотнесенность текста с определенным жанром.

Эти основные классы интертекстуальности Ж.Женетт подразделяет затем на многочисленные подклассы и типы, прослеживая их взаимосвязи.

Дэвид Чэндлер дополняет этот список термином „гипертекстуальность”, обозначающим компьютерный вариант нелинейного текста, который отсылает читателя к другим текстам при помощи электронных ссылок - интернет-страниц.

В свою очередь литературовед Н. А. Фатеева выделяет термин „автоинтертекстуальность” - сопоставление текстов только одного автора. Обычно среди них “находится один, который выступает в роли метатекста (сопрягающего, разъясняющего текста) - или автоинтекста - по отношению к остальным, или же эти тексты составляют текстово-метатекстовую цепочку, взаимно интегрируя смысл друг друга” [8, 91].

Все чаще в литературоведении встречается и относительно новый термин „интратекстуальность” - самоцитирование.

Исследователь И.В.Арнольд рассматривает интертекстуальность как диалог между литературными текстами, хотя допускает и более широкое понимание; разграничивает языковую и текстовую интертекстуальность, выделяет мозаичность текста.

„Проблема интертекстуальности и проблема литературных влияний близки, но не тождественны. Изучая интертекстуальность в литературе, мы подходим к тексту не с точки зрения замысла автора, а смотрим на то, что попало в текст, что увидят в нем читатели, какие ассоциации эти включения могут в нем вызвать” [1, 54].

Предлагается и ещё одна классификация интертекстуальных проявлений в тексте - разграничение между внешней и внутренней интертекстуальностью, которую различает И.В.Арнольд.

Внешняя интертекстуальность подразумевает лишь припоминание источника читателем, примером такого рода явления может служить пародия; внутренняя интертекстуальность предполагает включения фрагмента источника - интекста - в данный текст [1].

Аналогичную задачу - выявить конкретные формы литературной интертекстуальности (заимствование и переработка тем и сюжетов, явная и скрытая цитация, перевод, плагиат, аллюзия, парафраза, подражание, пародия, инсценировка, экранизация, использование эпитафий и т.д.) - поставили перед собой и немецкие исследователи У.Бройх, М.Пфистер и Б.Шульте-Мидделих в книге „Интертекстуальность: формы и функции” (1985 г.).

Ученых интересовала также проблема функционального значения интертекстуальности - с какой целью, для достижения какого эффекта писатели 104

обращаются к произведениям своих современников и предшественников.

Идея интертекстуальности возникла в ходе критического осмысления широко распространенной художественной практики, захватившей в последние десятилетия не только литературу, но и другие виды искусства. А для писателей-постмодернистов действительно весьма характерно цитатное мышление; в частности, Б.Морриссетт, определяя творчество А.Роб-Грийе, вообще назвал постмодернистскую прозу „цитатной литературой” [4].

Интертекст предшествует отдельному тексту, а всякий отдельный текст по сути своей интертекстуален. Концепция интертекстуальности, оказавшая огромное влияние на современное искусство, связана с тягой культуры XX века к духовной интеграции. На уровне художественной практики можно выявить множество конкретных проявлений интертекстуальности.

Положение, что история и общество в целом могут быть прочитаны как текст, привело к восприятию человеческой культуры как единого интертекста, который в свою очередь служит как бы предтекстом любого вновь появляющегося текста.

Список использованной литературы

1. Арнольд И.В. Проблемы интертекстуальности // Вестник СПбГУ. - Сер. 2. - 1992.- Вып. 4. - № 23. - С. 53-60.
2. Барт Ролан. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Пер. с фр. - М.: Прогресс, 1994. - 616 с. - С. 90.
3. Бахтин М.М. Проблема материала, содержания и формы в художественном творчестве // Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. - М: Худож. лит., 1986.- 502 с. - С. 6-71.
4. Ильин И.П. Стилистика интертекстуальности: Теоретические аспекты // Проблемы современной стилистики. - М., 1989. - С. 186-207.
5. Ильин И.П. Постструктурализм: Деконструктивизм: Постмодернизм. - М., 1996.
6. Кристева Юлия. Избранные труды: Разрушение поэтики / Пер. с фр. - М.: РОССПЭН, 2004. - 656 с.
7. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. - М.: Искусство, 1970.-384 с.
8. Лотман Ю.М. Текст в тексте: Труды по знаковым системам // Учен, зап. Тартуск. ун-та. - Вып. 367. - 1981. - С. 3-18.
9. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. - М., 2000. - 280 с.
10. Эндрюс Эдна. Взаимосвязь творчества Булгакова и Замятина: развитие символики Замятина в романе “Мастер и Маргарита” (тема революции в аспекте интертекстуального анализа) // Вестник СПбГУ. - Сер. 2. - 1992. - Вып.2.-№9.-С. 75-83.

Summary

The article deals with an urgent problem of text analysis in context of cultural intercommunication. Numerous types of texts are investigated as intertextual mosaics of quotations and allusions.